* * *

Ночь тонка, как паутина.
Скоро, скоро пробужденье.
Перекличкой петушиной
обозначились селенья.

Рассветает… Слепнут совы,
гаснут синие гнилушки;
просыпаются коровы,
пробуждаются лягушки.

Треплет сети воровато
рыба; берег волны ловит,
а над самой дальней хатой
небо солнышком морковит.

ФАНТАЗИЯ, НАВЕЯННАЯ ФИЛЬМОМ А. ТАРКОВСКОГО «АНДРЕЙ РУБЛЕВ»

…Вот, кажется, корабль поднимется
и в воздухе зависнет глыбою,
и с якорей лениво снимется,
и поплывет гигантской рыбою

в страну, доселе неизвестную,
как дирижабль доисторический,
распугивая рвань окрестную
виденьем сумрачным, языческим,

бросая тень на рощи светлые,
луга, нехитрые построечки,
На Русь святую, безответную,
заснувшую, как в люльке-коечке.

СТЕПНОЙ ПОГОСТ

Утренней рощи не потревожив,
нить паутинки с ветки сниму.
Знает, наверное, кто-нибудь все же,
как хорошо мне в полях одному.

Так далеко я, что даже не слышу
стука вагонных колес за рекой.
Кто-нибудь спросит: «Бывает ли тише?»
Тише, наверное, — вечный покой.

Частью природы со временем ставший,
(сколько их здесь вдалеке от жилья).
Старый погост — островок среди пашен,
символ смиренного небытия.

Ни маяты, ни житейской докуки,
надписей слезных, бумажных цветов.
«Где ваши дети? Где ваши внуки?» —
тихо спрошу. Не ответит никто.

Вот это место, где связь поколений
на судьбоносной стезе прервалась...
Словно в бою мы и ждем подкрепленья:
пусто в наушниках — прервана связь.

Стерло следы поколенья ветрами,
смыло дождями — остался погост.
Сколько же стоит вечная память
здесь, среди этих корявых берез?!

СО́ВКИ

Она боялась ночных бабочек

В серебристой пудре власяницы,
рунами украшены крыла.
Бьются крутолобые «ночницы»
в зеркало, в буфет, о край стола.

— Девочка, да что ты видишь в них,
пойманных в объятья абажура?
— Тени их, мохнатых и слепых
на стене.., как в саванах фигуры.

Страх необъяснимый наших близких
нам, обычным людям, не понять.
Тонкий мир невероятно близко,
на ночь бы его не поминать.

Форточку захлопнувши в досаде,
выдворил непрошенных гостей я.
Но услышал вновь движенье сзади…
к счастью не услышанное ею.

У ПОКРОВСКОЙ ЦЕРКВИ

Из скопленья людей,
из скопленья страстей,
из скопленья скоплений
меня, подняли Отчие руки
и здесь опустили,
у Покровского храма,
на старые эти ступени.
День апрельский стоял
в моросящей серебряной пыли.

Служба кончилась,
дворик церковный пустует.
Еле слышно от стен
отстает голубая известка.
Не за чью-то ли жизнь,
проведенную словно впустую,
на березовых листьях застыли
прозрачные слезки?

Не за чьи-то ли души,
живущие будто бы кстати,
заодно с пешеходами,
вновь проходящими мимо…
В этой церкви молились
и молятся о Благодати.
И, быть может, лишь этим
мы все в этом мире хранимы.

То ли кажется мне,
то ли въяве — от храма свеченье.
А на небе темнеющем —
гроз громоздящихся битвы.
Что есть подвиг? —
Поступок? Порыв? Вдохновенье?
Или изо дня в день,
целый век —
пребыванье в смиренной молитве?

* * *

Строчка ушла, но приходит опять,
не прозевать бы ее, а поймать,

строчку, как ящерку, между стеблей
на зеленеющей майской земле!

Вот под ладонью она, и в руке,
и на сияющем белом листке.

И уж не строчка, а ветка она,
в липкие листики облачена.

Вот под собой она чувствует ствол,
он опустился и в землю ушел,

корни пуская в кромешную тьму,
в поисках пищи душе и уму.

ПОСЛЕДНЕЕ УТРО

Наяву? — Не наяву,
только будто слышится:
ветер трогает листву,
и листва колышется.

В предрассветной тишине,
в синеве таинственной
одному не спится мне
и моей единственной.

Пискнет птаха за окном —
и опять молчание...
Под глубоким мирным сном
и мечты, и чаянья.

Может быть, мы тоже спим —
нету стен прокрустовых —
иль в безвременье висим,
лишь друг друга чувствуя?

Может быть, нас вовсе нет —
лишь воспоминания
из далеких юных лет
за чертой сознания...